

От редакции. Мейер Фортес (1906–1983) – один из признанных классиков британской социальной антропологии, автор особой, психологически-ориентированной версии функционализма. Его имя стоит в одном ряду с такими фигурами британского антропологического функционализма, как А. Рэдклифф-Браун, Б. Малиновский, М. Глакмен, Р. Фирт, Э. Эванс-Притчард, Э. Лич и др. Он оказал немалое влияние на Манчестерскую школу социальной антропологии. Наиболее известны его исследования талленси и ашанти в Гане, освещенные в таких публикациях, как «Динамика клановой структуры у талленси» (1945), «Сеть родства у талленси» (1959), «Эдип и Иов в западноафриканской религии» (1959). Более поздние работы: «Родство и социальный порядок» (1969), «Время и социальная структура» (1970), «Правила и возникновение общества» (1983). Кроме того, он был редактором двух влиятельных сборников: «Африканские политические системы» (1940) и «Социальная структура» (1970). Начиная с этого выпуска, читателям журнала предлагается подборка его небольших работ.

МЕЙЕР ФОРТЕС

РЕЛИГИОЗНЫЕ ПРЕДПОСЫЛКИ И ЛОГИЧЕСКАЯ ТЕХНИКА РИТУАЛА ПРОРИЦАНИЯ*

Аннотация: В статье анализируется природа ритуала прорицания. Он определяется как действие, направленное на оккультное и заключающее в себе овладение оккультным посредством его схватывания, связывания и инкорпорации в нормальную жизнь индивидов и групп. Оккультное репрезентирует бессознательные силы психологического и социального характера. В этих пределах автор детально рассматривает ритуал прорицания у талленси, в том числе его поводы, технику и код.

Abstract: In this paper the author analyses the nature of divinatory ritual. It is defined as an action aimed at the occult and involving the prehending of the occult through its grasping, binding and incorporating into the normal existence of individuals and groups. The occult represents the unconscious psychological and social forces. Within this frame the author offers a detailed consideration of a divinatory ritual among the Tallensi, including its reasons, techniques and codes.

Ключевые слова: ритуал прорицания, оккультное, ритуальный символизм, код, талленси.

Keywords: divinatory ritual, the occult, ritual symbolism, the code, Tallensi.

* Перевод сделан по источнику: Fortes M. Religious Premises and Logical Technique in Divinatory Ritual // *Philosophical Transactions of the Royal Society of London. Series B, Biological Sciences.* 1966. Vol. 251. N 772 (“A Discussion on Ritualization of Behaviour in Animals and Man”). P. 409–422.

Прорицание – это относительно ясно очерченная конфигурация ритуального действия, воплощающая в себе фундаментальные составляющие религиозных и магических систем и легкодоступная для повторного наблюдения. Во многих подобных системах по всему миру оно является краеугольным институтом, а прорицатель – ключевым функционером в соответствующих культовых деяниях. Это хорошо известно со времен древности. Наиболее известные примеры – греческие и римские знамения и оракулы, еврейское пророчество и восточная астрология. Однако здесь я не намерен обсуждать прорицание как таковое. Вместо этого я хотел бы дать – в качестве конкретной иллюстрации выдвигаемого мною тезиса – описание конфигурации и техники прорицания, которому я сам был свидетелем и в котором участвовал, находясь среди талленси в северной Гане.

Прежде всего я должен сказать, что я понимаю под ритуалом. Антропологи не единодушны в этом вопросе. В расхожем смысле этот термин стал широко употребляться для обозначения чуть ли не каждого вида стилизованного, или стереотипизированного вербального и моторного поведения, являющегося привычным, или обычным, в данной социальной среде. Журналисты пишут о «ритуале» крикета, парламента, права, получения научной степени. В более обычном и узком смысле это слово ассоциируется с такими вещами, как христианская обедня, коронации, похороны и т.д. и т.п. Среди антропологов вошло в моду подчеркивать «коммуникационную» функцию ритуала.

В каком-то смысле все эти расширения имплицитно содержатся и в самых ортодоксальных антропологических пониманиях ритуала. Возьмем для примера определение из весьма уважаемого издания «Notes and queries in anthropology»: «Ритуал, как и этикет, есть формальный способ поведения, признаваемый правильным, но, в отличие от него, предполагает веру в действенность сверхъестественных агентов, или сил» [7, 175].

Если перевести это на язык Дюркгейма, то ритуал – это форма этикета в контексте священного, а этикет – профанный ритуал. Весьма любопытно, что этот способ видения ритуала сходен с конфуцианским понятием *ли*, представленным в известной книге этикета и ритуала «*И ли*» [см.: 6, 14].

Если, рассуждая таким образом, мы подчеркиваем их внешнюю форму, то коленипреклонение истового католика перед высоким алтарем есть всего лишь вариация того почтительного поклона, с помощью коего простолудин приветствует королевскую особу. То и другое – обычные жесты почтения.

По той же логике, есть акты ритуала, которые могут быть подведены под ту же рубрику, что и коммуникация вообще, язык, драма, литература и искусство в частности, или эпистемология, или – вспомним Фрэзера – даже наука, пусть даже как всего лишь незаконнорожденное дитя последней. Если ритуал полностью подпадает под категорию «коммуникации», то (приведем тривиальный пример) полицейский, регулирующий дорожное движение, выполняет весьма эксплицитный и действенный ритуал. При этом, разумеется, не принимается в расчет факт, который некоторые могли бы счесть более важным, чем его сигналы, а именно авторитет полицейского как представителя закона, т.е. то, что его сигнал является приказанием. Релевантность этого сразу же становится очевидной.

Отсюда всего лишь шаг до позиции, что нет такой вещи, как ритуал *per se*, т.е. никаких действий, высказываний, идей и верований, специфически относящихся к

области, которую мы можем идентифицировать с помощью термина «ритуал», в противоположность всему прочему в социальной жизни, являющемуся неритуальным. В равной мере, разумеется, в соответствии с этим принципом классификации, было бы упразднено и огромное множество других конвенционально выделяемых категорий обычаев и институтов. Если судить только по используемым культурным посредникам (*media*), по тому, «как» они работают, а не по тому, «что» они делают, то судебное решение, политическая речь, драматический монолог и проповедь будут всего лишь случаями языкового узуса (*linguistic usage*). Юриспруденция, политика, драма и религия — всё растворяется в общем феномене языка. Это все равно что говорить, что тюрьмы, церкви и театры являются зданиями одного и того же класса, поскольку построены из кирпичей, обожженных в одной печи.

Здесь приходят на выручку факты наблюдения. Ритуальные и неритуальные конфигурации поведения, установок и представлений отличимы друг от друга даже тогда, когда пользуются одними и теми же средствами выражения. Ни один практикующий римский католик не согласился бы с тем, что не существует фундаментального смыслового различия между его коленопреклонением в церкви и его поклоном королевской особе. Ни один ортодоксальный иудей не принял бы обрезание в исполнении хирурга как эквивалент ритуального обрезания, хотя результат в обоих случаях одинаков. Тем более, что в иудейском религиозном праве предусмотрена возможность хирургического обрезания, но только при исполнении особого обряда.

Но как тогда провести это различие? На помощь приходит традиционный антропологический критерий, заключенный в слове «сверхъестественное». Он предполагает, что отличительная черта ритуала кроется не в самой по себе конституции действий, высказываний и верований (*beliefs*), а в их внешней сигнификации, в их связи с целостной культурной средой.

Позвольте мне показать на примерах, что я имею в виду. Есть хорошо известный англиканский гимн, который начинается со слов:

*«Есть благословенный дом
За обетованную землю».*

Если посмотреть на них с внутренней стороны, как на языковое сообщение, то ничто не говорит нам о том, что эти слова (метафорически, если угодно) относятся к сфере «сверхъестественного». Легко представить узника одного из злополучных японских лагерей военнопленных, воспринимающего эти слова в поэтическом (не религиозном) смысле, как слова, напоминающие ему о его доме в одном из уголков Англии. Помещенные же в их ритуальный контекст — ибо в англиканской религиозной службе пение гимнов является ритуальным исполнением, — эти слова обретают совершенно иной смысл.

В свете современных полевых исследований, «сверхъестественное» — все же неудачный термин. Такие отчасти синонимические описания, как «иррациональное», «суеверное», «мистическое», «нелогическое» или «неэмпирическое», тоже вводят в заблуждение. Предполагаемая дихотомия между «природным» миром, который подчинен законам, устанавливаемым естественной наукой, и накладываемым на него царством, в котором эти законы не действуют, — во многом артефакт письменных культур, наших и восточных. Действующий — верующий (во всяком случае, в тех племенных обществах, которые мы находим в Африке) — видит свой мир иначе. Он видит его состоящим из того, что можно назвать вещами явными и вещами скрыты-

ми – или, реабилитируя слово, которым изрядно злоупотребляли, оккультными, – которые в обычной реальности являют себя в смешанных последовательностях и комбинациях.

Разница между ними состоит в том, что об оккультном можно знать лишь косвенно, по его последствиям, т.е. внешне произвольным вторжениям в рутинное существование, тогда как вещи явные могут, в конечном счете, быть узнаны в чувственном опыте. Более того, явные вещи занимают каждая свое место (или считается, что занимают) в соответствии с регулярностями материальных причинных связей, как они понимаются в данном культурном сообществе. Это значит, что они, вообще говоря, предсказуемы, поскольку поддаются управлению при помощи технических средств. Оккультные силы, могущества, агенты, связи и т.д., гипостазируемые в ритуале, не считаются предсказуемыми и поддающимися техническим воздействиям. Они отвечают только на ритуальное действие. Между тем, будучи понятийно различимыми как для действующего, так и для наблюдателя, явное и оккультное смешаны друг с другом в действительных объектах и событиях. Оккультное, по определению, доступно для опознания и воздействия только через явное – иногда в большей степени, иногда в меньшей.

К примеру, научное объяснение укрепляет в нас уверенность в нашем мировоззрении и нашем знании мира. Оно никогда, как мне кажется, не упраздняет полностью вспышек суеверия (шока или удовольствия), которыми даже самый просвещенный материалист реагирует на проявления того, что мы называем шансом или удачей, в таких жизненно важных вопросах, как жизнь и смерть, здоровье и болезнь. В западной цивилизации происшествия, которые мы классифицировали бы в терминах шанса, удачи и случайного совпадения, обычно принимаются как удостоверения реальности оккультных сил и агентов того рода, который обычно передается с помощью слов «магия», «колдовство», «духи предков», «духи природы» и т.д.

Мой тезис таков: ритуал отличается от не-ритуала тем фактом, что он нацелен на оккультное. Точнее говоря, я бы определил ритуал как процедуру овладения оккультным, т.е., во-первых, схватывания того, что является для данной культуры оккультным, в событиях и происшествиях в жизни людей, во-вторых, связывания того, что было таким образом схвачено, с помощью ритуальных ресурсов и верований, наличных в этой культуре, и, в-третьих, инкорпорации схваченного и связанного в нормальное существование индивидов и групп. Рассматриваемый таким образом, ритуал не синонимичен религиозной или магической системе в целом. Для таких систем он является, так сказать, исполнительной рукой. И в ходе выполнения задачи овладения оккультным он с необходимостью вовлекает в дело все ресурсы общества и культуры, от врожденных способностей человеческого организма (на одном конце шкалы) до логического мышления, языка, песни, искусства и т.д. (на другом). Но, как я утверждал ранее, они служат только средствами ритуала. Они не являются его отличительными признаками.

Следовательно, чтобы быть действенным, ритуал должен, во-первых, добраться до оккультного (как в прорицании) и, во-вторых, осуществить то, что может казаться, по определению, невозможной задачей, – овладеть этим оккультным.

Именно здесь становится релевантным символизм, обсуждаемый проф. Тернером. Со времен Тайлора и Фрэзера символизм рассматривался как суть ритуала. Но только после Фрейда мы начали понимать механизмы ритуального символизма. Мы

видим, что ритуал схватывает оккультное не посредством выставления его на обозрение (как наука поступает с законами природы, а судебный процесс – с мотивами действующих [ср.: 4]), а путем его переодевания и вовлечения в измерение явного.

Значимость этого можно проиллюстрировать простым примером. У талленси мужчина, когда у его жены рождается ребенок, посылает вестника, чтобы тот сообщил об этом его тестю и теще. Если рождается мальчик, то посланник является к ним с петушком и метательной палкой, какую берут с собой на охоту мужчины. Если же девочка, то он приносит курочку-молодку и калабаш, каким каждая женщина пользуется на кухне. Прохожие, завидев на дороге посланника, выкрикивают: «Чья жена родила сына (или дочь)?»

Символизм здесь совершенно явный, а само событие – не ритуальное. Этому можно противопоставить следующую ситуацию. Каждый талленси знает, что если вам на пути встретился мужчина, быстро идущий с гадательной сумкой на плече и цыпленком в руке, то это, должно быть, прорицатель направляется домой после гадания на похоронах. И каждый также знает, что оборачиваться и оглядываться назад для него табу. Он должен идти напрямиком домой, чтобы принести цыпленка, полученного им в качестве гонорара, в жертву своему гадательному святилищу. Здесь символизм связан с представлением о том, что прорицатель вызвал своих предков-прорицателей на обряд прорицания и должен отвести их назад, напрямиком в их дом, под страхом катастрофы, которая непременно случится, если он этого не сделает. В конечном счете, однако, для постижения скрытого смысла всего этого мы должны знать, что предки-прорицатели являются особенно обидчивыми и непредсказуемыми. Таким образом, это ритуальная ситуация.

Значительная часть ритуального символизма представляет оккультное находящимся в природной среде – в деревьях и камнях, наверху, на небе, и внизу, под землей. Это вводит в заблуждение. В самом деле, у многих людей теории того, как работает природа, что вызывает дождь или засуху, рост растений или размножение животных и т.д., облечены в термины богов и духов, колдовства и магии. Так, мы находим ритуалы, претендующие на то, чтобы оказать влияние на то, что мы считаем физической и биологической реальностью, или даже принудить ее к чему-то. Но, как продемонстрировали Малиновский и другие, при близком рассмотрении эти ритуалы оказываются в действительности направленными на такие цели, как смягчение тревоги, вызванной непредсказуемостью многих сил среды, или драматизация (по выражению Селигмена) убежденности человека в своей способности влиять на природу посредством своего морального поведения и интеллектуальных умений. Так, многие ритуалы, направленные на среду, лучше считать формой проекции (позаимствуем этот термин у Фрейда), а не заменой технологии.

Короче говоря, оккультное, являющееся первичной заботой ритуала, заключено в основополагающих социальных отношениях и побуждениях и диспозициях человека, без которых не могла бы продолжаться социальная жизнь. В этой связи следует, вероятно, обратить внимание на свидетельства, предоставляемые психопатологией. Они говорят о том, что многие события, которые мы автоматически приписываем удаче, шансу или случайности, на самом деле форсируются скрытыми, т.е. бессознательными, эмоциональными факторами. Хотя человек с улицы этого не ведает, к счастью для сохранности своего рассудка, он чувствует, что удача, шанс и случайность обозначают вторжение в рутину жизни оккультных, непредсказуемых,

ритуально, а не технически контролируемых сил. Отношение между его взглядом и взглядом психопатолога очень похоже на отношение между взглядами племенного верующего и антрополога-наблюдателя.

Для разъяснения своего тезиса рассмотрю коротко обряды «перехода», ставшие известными благодаря книге Ван Геннепа «*Les rites de passage*» (1908). К ритуализации рождения, брака и смерти во всех человеческих обществах приводят не сами их физические таинства, а фундаментальная непостижимость и потенциальная неподатливость репрезентированных в этих событиях социальных отношений и психологических диспозиций. Современные исследования дают нам представление о сложности даже таких вроде бы элементарных и спонтанных социальных связей, как связь между матерью и ребенком. Неудивительно, что в большинстве человеческих обществ есть какой-нибудь ритуал, нацеленный на схватывание, связывание и инкорпорирование во внешние (overt) обычаи и жизненные практики тех амбивалентностей любви и ненависти, зависимости и самоутверждения, которые пронизывают отношения между родителями и детьми, но не могут быть поняты в каузальных терминах и не допускаются в качестве мотивов для действия. Схожим образом ритуалы, связанные со смертью, нацелены на восстановление надломленных социальных отношений и на овладение психологическим таинством траура-горя и социологическим таинством, представленным в том факте, что физическое угасание человека не отменяет воздействия его жизни на его общество. Материальные объекты, созданные им или ассоциирующиеся с ним, переживают его, и, что еще важнее, живые (особенно его потомки) продолжают его существование, отчасти физически, но в большей степени мистически, в своих личностях и своих связях друг с другом так, как если бы он в каком-то смысле все еще был среди них [ср.: 5].

Думаю, я не пойду вразрез с современной антропологической теорией, если скажу, что большинство, если не все религиозные и магические ритуалы нацелены на овладение бессознательными (в психоаналитическом смысле) силами индивидуального действия и существования и их социальными эквивалентами, нередуцируемыми факторами социальных отношений (таких, например, как связь мать—ребенок на одном конце шкалы и отношения господства в обществе — на другом). Переноса их — надлежащим образом замаскированными, или символически представленными в осязаемых материальных объектах и действиях, — во внешнюю социальную жизнь, ритуал связывает их и делает управляемыми.

Этот перенос во внешнюю социальную жизнь важен. Он предполагает легитимность, авторизацию консенсусом. Подобно монете, ритуал имеет две стороны: «белую» и «черную». Хороший, т.е. «белый», ритуал — это ритуал, обладающий коллективной авторизацией. Плохой, т.е. «черный», ритуал — секретный, антиобщественный, опирается на сговор, а не на консенсус. Здесь я мог бы по ходу дела сказать, что обычно антропологи говорят о «ритуале», а не о «ритуализации». Между тем есть уместные употребления также и этой языковой формы. В качестве примера уже были упомянуты *rites de passage*. Таким же образом, если мы рассмотрим ритуал коронации с точки зрения его явного содержания, то мы опишем его как ритуализацию видной должности; а пищевые табу можно описать как ритуализацию обычаев питания [см. 3].

Вернусь теперь к прорицанию. Если говорить в самом общем плане, то там, где прорицание является центральным элементом в системе религии или магии, оно

есть ритуальный инструмент, с помощью которого из всей суммы ритуальных ресурсов сообщества выбираются правильные ритуальные средства для конкретных случаев и разных индивидуальных обстоятельств. В отличие от поведенческих паттернов, которые описываются как ритуальные психопатолагами, ритуал, закрепленный обычаем, является внутри данного сообщества стандартизированным и универсальным. По частоте своей он часто бывает таким же рутинным, как и нормальное протекание социальных действий в сообществе. Трапезы происходят регулярно, и столь же регулярны молитвы перед трапезами. Вместе с тем многие ритуализованные события, нормальные и регулярные внутри сообщества, непредсказуемы для индивида. Смерть, например, обычное событие, но когда она наносит удар по конкретной семье, она переживается как катастрофа. Удача, шанс, случай, случайное совпадение и судьба – вот некоторые из понятий, привлекаемых для объяснения этого. Они могут быть ритуализованы. Так, эдо в Бенине верят, что везение человека связано с его головой, и когда человеку выпадает удача, он приносит своей голове жертву [1].

В других культурах такое событие воспринимают как представляющее собой особое и специфическое вмешательство в жизнь индивида или группы оккультных сил, признаваемых соответствующей культурой. Функцией прорицания является установление своеобразия этого вмешательства с целью связать конкретных людей и конкретные события с вездесущим оккультным. Как показал в своем классическом исследовании Эванс-Притчард [2], каждый азанде знает, что неудача обусловлена оккультной силой колдовства, но когда неудача постигает конкретного человека, ему нужно выяснить, кто именно его заколдовал, и с этой целью он прибегает к прорицанию. Такие связки должны быть установлены также для предписывающих ритуалов, регулярно повторяющихся, например, ежегодно по случаю праздников сева и сбора урожая, обычных для всей Западной Африки, да и для других мест. Эти праздники повторяются в фиксированной форме и в фиксированное время, но участники год от года меняются в результате смертей, рождений и взросления индивидов, и прорицание требуется для того, чтобы распределять стандартизированные ритуальные обязанности и привилегии.

Я говорил о прорицании как о ритуальном инструменте. Аппарат прорицания часто является существенной частью системы, как, например, у талленси. Но я больше имею в виду тот факт, что прорицание часто бывает специализированной техникой. Чтобы прорицатель стал в ней экспертом, от него может требоваться прохождение обучения; либо его могут отбирать для этого занятия исходя из его дарований или психологического склада. Но это еще не все. Прорицатель должен быть надлежащим образом аккредитован, часто посредством публичной инициации, после обнаружения свидетельств принятия его оккультными силами.

Кроющийся за этим принцип состоит в том, что оккультное и явное не могут и даже не должны быть известны одинаковым образом. Если бы они были доступны для познания и опыта одинаково и благодаря одним и тем же способностям, то граница между ними бы стерлась. Но на этом пути нас ждет хаос – или сумасшествие. Ведь хотя они и являются частями одной и той же реальности, эти части комплементарны, и их нельзя смешивать. Это, по сути, и есть основополагающая *raison d'être* ритуала.

Это выводит на еще один момент. Поскольку прорицание является техникой, то о людях, его практикующих, будут судить по стандартам мастерства, схожим с

теми, которые применяются ко всяким техническим операциям. Это располагает к скорее критической, нежели доверчивой установке со стороны клиентов. К тому же дело не ограничивается одним техническим мастерством. Должен удерживаться концептуальный занавес между знанием оккультного и знанием явного. Следовательно, чрезвычайно важно, чтобы предполагаемые манифестации оккультного удостоверялись с помощью критериев, устраняющих возможность обмана ради достижения целей, к преследованию которых легко склоняет нетвердость человеческой природы. Вердикты прорицателя проверяются путем постановки одних и тех же вопросов в альтернативных формах, с помощью испытанного метода поиска второго и третьего независимого мнения и суровых испытаний, использующих логику случая.

Итак, существенным аспектом прорицания является то, что его откровения должны быть объективно проверяемыми в том смысле, в каком понимается объективность в данном обществе. Объективность предполагает публичное согласие. Вердикты прорицателя должны видеться правильными и вызывать согласие с их правильностью. Следовательно, обычно придерживаются правила, что легитимное («белое») прорицание должно быть публичным и формальным. Тайное прорицание не принимается как решающее. В худшем случае его заподозрят в «черноте», в лучшем — в предвзятости и расчете на продвижение частных интересов. В силу этого разными способами обеспечивается недопущение жульничества и обмана. Прорицатели, однако, всего лишь люди, и всем известно, что они не непогрешимы. Следовательно, в системе прорицания всегда есть лазейки, позволяющие оправдывать любые ошибки его практиков и поддерживать уверенность в этой системе.

Это вводит в поле зрения еще одну ключевую особенность прорицания. В какой-то момент в любой системе знания, верований или упорядоченного действия мы достигаем нижнего предела; тогда нам приходится прибегать к высшему авторитету — интеллектуальному, правовому или нравственному. Даже говорить «я видел это собственными глазами» с претензией на истину значит претендовать на поддерживающий авторитет, возможно, экспертного знания или всего лишь обычного человеческого опыта. Одна из важнейших функций прорицания кроется в том авторитете, который оно в себе несет. Для предлагаемого ритуального действия подтвержденный вердикт прорицателя — это авторизация, санкция, идущая от высшего источника авторитета в вопросах, касающихся оккультного, т.е. от самих оккультных сил.

Прорицание — незаменимая часть религии талленси (см. прим. 1). Чтобы это понять, необходимо знать, что их религия состоит по существу из детально проработанной системы культа предков. Он настолько господствует над их мышлением, что другие оккультные силы, ими полагаемые, как то мистически могущественная земля или магические эффективные снадобья, мыслятся как, в конечном счете, подконтрольные предкам.

Предок, конечно, должен быть умершим, чтобы быть подходящим для служения, которое мы называем культом, но одновременно он должен иметь потомков. Умершие, не оставившие после себя потомства, уходят в забвение. Талленси не считают почитаемых ими мертвых — предков — обитателями сверхъестественного мира. Они пребывают в этом мире, принадлежат ему, всегда доступны с помощью правильного ритуала в святилищах, устроенных в честь них в домах их потомков. Вместе с тем они характерно оккультны, в силу их непредсказуемости и неуправляемости. Их бережно хранят и чтят — индивидуально, по имени, никогда анонимно; счи-

тается, что они едят и пьют в домах их потомков. Об их присутствии узнают по тому, что переживается как их назойливое воздействие на потомков; знаками его являются, с одной стороны (и наиболее явно), болезнь, неудача и смерть, а также всякие мелкие происшествия и лишения, навлеченные ими, с другой стороны (и уже не так явно) — рождение, доброе здоровье, успех и долгожительство, на заслугу в которых они претендуют.

Прорицание — это путь, которым удостоверяются скрытые требования и предполагаемое благоволение предков, и это путь, связывающий явное и мирское с оккультным. Каждый талленси сразу скажет вам, что такое-то и такое-то происшествие, несомненно, вызвано предками. Но кто именно из его многочисленных предков является действительным агентом в данном конкретном случае, он не знает. Это открывается ему через прорицание; также прорицание до какой-то степени гарантирует, что он не будет пренебрегать справедливыми требованиями со стороны кого-то из предков.

Прорицатели — обычные люди, практикующие в свободное время; как и для всех прочих, основным источником жизненных средств для них является сельское хозяйство. Прорицателями могут быть только мужчины, так как только мужчины имеют правовой и моральный статус, позволяющий руководить ритуалом. Мужчина становится прорицателем в силу того, что в его владении находится святилище предка особого рода. Меж тем большинство мужчин, не будучи прорицателями, имеют такие святилища и проходят публичную инициацию, сопутствующую приобретению такого святилища. Прорицатель принимает роль, если опытным путем обнаруживает, что способен к этой работе и испытывает к ней интерес. Обычно святилище для прорицания представляет собой ритуальное обиталище предков по материнской линии. Большинство мужчин приобретают такие святилища в силу того, что предки по материнской линии жизненно важны для каждого. Кроме того, мужчины в большинстве своем имеют жизненный опыт, делающий необходимым такой шаг.

Предки по материнской линии в этом крайне патрилинейном обществе концептуализируются как особенно докучающие. Мужчина приобретает святилище после длинного ряда неудач и несчастий, принимая этих предков и, как говорят талленси, устраивая для них дом в своем доме. В этом случае их можно умиловать, и если он делает это умело, то они помогают ему в прорицании и процветании. Структурное основание этого кроется в том, что матрилинейные связи разветвляются в бесконечную сеть, связывающую взаимно независимые патрилинейные десцентные группы, и, следовательно, как считают талленси, предки со стороны матери имеют разветвленные узы, позволяющие им, в идеале, быть в контакте с предками каждого человека.

Сеанс прорицания держится на допущении, что предки как клиента, так и прорицателя присутствуют на нем — или, по крайней мере, «находятся на проводе» — и управляют поиском диагноза в отношении проблем клиента. Сеансы прорицания никогда не бывают тайными; на публичные сеансы приходят люди из множества разных кланов. Частные консультации могут выслушиваться и даже прерываться посетителями или друзьями любой из сторон. Они проводятся в комнате в доме прорицателя или клиента. Более того, от имени клиента, несведущего в этой процедуре, к прорицателю могут обращаться любой его сведущий друг или родственник. Следует добавить, что женщины, разумеется, не могут лично обращаться к прорицателю, так как имеют правовой статус младших.

Повод

Обычно глава дома (household) или старший в линидже обращаются к прорицателю тогда, когда что-то идет не так, когда случается какой-нибудь кризис или когда предстоит какое-то особое предприятие (например, если в семье кто-то заболел, если жена носит ребенка и близка к разрешению от бремени, когда впереди сельскохозяйственный сезон с его многочисленными рисками, когда молодые мужчины уходят на охоту или на ловлю рыбы, во время которых нередки несчастные случаи).

Если спросить мужчину, почему он идет за частной консультацией к прорицателю, то он скажет, что идет к нему, потому что «беспокоится» или потому что «что-то задумал». Установка, лежащая в глубине этого, наглядно обнаруживает себя в ходе сеанса прорицания. Я часто слышал, как клиент восклицает, когда палка прорицателя скачет туда-сюда: «Мой враг! Покажи, где мой враг!» Талленси объясняют, что если у вас проблемы, то это потому что вы навлекли на себя «вражду» кого-то из предков грехом недосмотра или каким-то проступком, обычно считающимся непредумышленным. Вашим «врагом» является этот предок, и как только вы узнаете, кто он и чего он от вас требует, тревога утихает. Такое откровенное допущение амбивалентности в отношениях между живыми и предками – характерная вещь. И оно точно указывает на психологические источники демаркационной линии между явным и оккультным в культуре талленси.

Неизменный итог прорицания – повеление принести жертву предкам или другим оккультным силам. Все эти жертвоприношения, определяются ли они как умиловительные, искупительные или благодарственные, по роду своему одинаковы и могут как связываться, так и не связываться с другими предписаниями, такими, как пищевые табу или табу на работу. То, что результат будет таким, известно заранее. Что неизвестно, так это кто именно из предков является протагонистом в текущем кризисе, каких животных нужно принести в жертву и какие действия или обстоятельства обусловили эти требования. Если кто-то выскажет мысль, что, разумеется, кто-нибудь из опытных старших должен суметь поставить диагноз его ситуации, талленси говорят, что, несомненно, так оно и есть. Даже прорицатель не может быть прорицателем для себя. Человек не может быть судьей в собственном деле. Попытаться быть таковым значило бы не только надругаться над авторитетом предков, но и вызвать недоверие среди родственников и друзей.

Публичное прорицание является ритуально обязательным в случаях, когда есть некоторый общий интерес, например, в канун праздника, когда к прорицателю обращаются с целью выяснить, какие нужно принести жертвы, чтобы обеспечить благоприятный результат. Также оно обязательно в случае каждой кончины, дабы установить, кто из предков ее вызвал, и выяснить, какое ритуальное действие нужно предпринять для его умиротворения или искупления.

Техника

Обратимся теперь к действительной технике прорицания. Я должен подчеркнуть, что если принять исходные посылки религиозной системы талленси и рассматривать эту технику сугубо в ее внутренней структуре, то она так же логична, рациональна и консистентна, как и любой неритуальный технический процесс. Начнем с оснащения прорицателя. Оно состоит из тыквенной трещотки, крепкой палки длиной около 3 футов с рогатиной и железным наконечником и кожаного мешка – ко-

лого, — наполненного *кла'ан*. Так называется коллекция разнородных предметов, выглядящих точь-в-точь как куча мусора, когда он высыпает их в кучу перед собой. На самом деле эти кусочки и обломки — стандартная *materia oraculosa*, если воспользоваться для их обозначения варваризмом, т.е. стандартные кодовые символы. Сейчас я это поясню.

Сеанс прорицания следует установленной процедуре. Это драматичный диалог, включающий речь, жесты и экспрессию, с использованием особой, но не эзотерической лексики. Нет ни малейшего намека на медиумизм, диссоциацию или какие-то другие аномальные психологические состояния ни у прорицателя, ни у его клиента. Это строго профессиональное дело. Хотя оно очень серьезное, прорицатель, как уже отмечалось, может остановиться посреди консультации, чтобы обменяться приветствиями с пришедшими или отдать распоряжение члену его семьи.

Публичные и частные прорицания следуют одному паттерну. Для частного прорицания клиент приходит в дом прорицателя и, даже если они соседи, родственники или друзья, обращается с официальной и безличной просьбой его проконсультировать. Это делается путем выкладывания перед прорицателем предлагаемого вознаграждения. Вознаграждение может быть принесено заранее; оно не фиксированное и, каким бы мизерным оно ни было, должно быть принято. Прорицатель сидит в своей комнате на доске, его мешок лежит перед ним, а клиент сидит напротив него на полу, скрестив ноги в почтительной позе. Прорицатель хлопает ладонями по мешку и вполголоса призывает предков. Он ритмично потряхивает трещоткой и поет, призывая своих предков-прорицателей прийти и сесть (таково техническое выражение) на их прорицательный алтарь. Затем он останавливается, чтобы высыпать содержимое своего мешка. (Трещотка и пение, хотя медиумизма здесь и нет, производят определенный настрой (*frame*) сознания, своего рода ритмическое настроение; но при этом у прорицателя никогда не проявляется диссоциации.)

Вытряхнув из мешка и разбросав кодовые объекты, прорицатель кладет перед собой два маленьких плоских камушка (необыкновенных камня) или кусочка железа. Он продолжает трясти трещотку, повернув голову в сторону, и поет, призывая своих предков прийти и прорицать. Вот он вылавливает рукой два других плоских камня (проверочных камня), плюет на каждый из камней, соединяет их влажными сторонами и с силой швыряет их на землю, призывая своих предков-прорицателей прийти. Это первое использование кода, и каждый взрослый мужчина может его истолковать. Камни могут упасть: (1) оба сухой стороной вверх, и это означает отказ; (2) оба влажной стороной вверх, и это означает «смех»; (3) один влажной стороной вверх, другой — сухой, и это означает согласие. (Здесь я опускаю неправильные броски, хотя все они имеют какое-то значение.)

Действительный случай публичного прорицания прояснит суть дела. С первого броска камни «отказали». Каждый из присутствующих вытянулся, чтобы посмотреть. Это означало, что предок-прорицатель не явился (я перевожу буквально). Прорицатель крикнул с досадой: «Здесь есть ссора, есть гнев. Мои ли предки-прорицатели сердиты и отказываются прийти, или разгневались и упорствуют предки клиента? Если ссора с моей стороны, то пусть камни откажут снова». Он еще раз бросил, и они опять «отказали». Так он узнал, что его предки-прорицатели не хотят приходить. Он крикнул с выражением видимого протеста: «Еще одна попытка посмотреть, так ли это на самом деле». Он бросил. Камни «отказали». Он отпрянул и

обратился как бы мимоходом к своим предкам-прорицателям: «Я знаю, в чем дело. Это все из-за денег, которые я использовал для брачного выкупа за невесту для своего сына. Когда я их получил и советовался с вами по этому поводу, вы, предки-прорицатели, заявили, что хотите, чтобы эти деньги были потрачены на корову, посвященную вам. Но я поддался нажиму и потратил их на брак моего сына. Поэтому вы поссорились со мной и отказываетесь явиться». Прорицатель смиренно сел. Теперь клиент придвинулся к прорицателю и обратился к нему со словами: «Прорицатель, ваши предки-прорицатели совершенно правы. Вы поступили неправильно. Но мы умоляем их проявить милосердие и принять прорицание, чтобы мы могли уйти с советом, ради которого вас сюда пригласили». Это был призыв к предкам-прорицателям не дать их частной ссоре с ним помешать выполнению профессионального долга перед ними. После этого камни были брошены еще раз и выпали так, что это означало согласие; все собравшиеся — но не прорицатель — захлопали в ладоши в знак благодарности. Далее последовал еще один бросок, тоже удачный, и сеанс можно было начать. Всегда должно быть два успешных броска — первый бросок и контрольный, проверочный; только после этого сеанс может начаться. (Почему, кстати, прорицатель не хлопал в ладоши в знак благодарности? Потому что теория такова, что он только выразитель, представитель, посредник для своих прорицающих предков. Согласно этой теории, предки клиента и предки прорицателя находятся в коммуникации, и первые выражают свои желания через последних.)

Если камни «смеются», то это означает предварительное согласие. Это указание на то, что предки не приступят к основной задаче, ради которой все собрались, пока с пути не будет убрана какая-то другая проблема. Это может означать обещание радостного смеха со стороны клиента в случае удачи; либо это может означать угрозу глумливого хохота со стороны кого-то из предков, если клиент не разрешит так или иначе проблему с уже известным ему ритуальным долгом.

В ходе сеанса прорицатель одной рукой хватает разветвленный конец палки, а другой продолжает трясти трешотку, нараспев призывая своих предков-прорицателей прийти и усердно искать. Он водит палкой туда-сюда, тыкает ею в беспорядочно разбросанные перед ним предметы и, делая это, поет напыщенным отрывистым речитативом, называя предметы и жесты на особом языке прорицания — ведь код включает не только предметы, но и многообразные знаки-жесты. Это осуществляемый прорицателем диагноз ситуации. Делается все это выразительно, но безлично. Когда он достигает цели, он резко ударяет по одному из двух плоских камней, лежащих перед ним, выкрикивая: «Вот так!»

Обратившийся за советом тихо сидит, слушая и смотря, минуто-две или, возможно, от 5 до 10 минут — ибо диагностическая процедура может быть запутанной и косвенной. Затем он хватается за основание гадательной палки, свободно держит ее и повторяет диагноз прорицателя. Он повторяет диагноз пункт за пунктом, и пока он это делает, палка вертится, колотит, выхватывает объекты, указывает на его бок, на его желудок, на его рот и т.д. Иногда прорицатель вставляет какую-нибудь фразу или слово, чтобы подкрепить аргумент. Делается это быстро, напористо, драматично, образно и инсказательно.

Диагноз прорицателя дается в довольно общих по смыслу терминах. Вычленяемые элементы приходят из мира идей, верований, ритуальных объектов и институтов, общих и одинаково значимых для всех, т.е. из общего оккультного. Обратив-

шийся за советом переносит эти общие формулы на частные детали собственной (или клиента) жизненной истории и своих (или его) святилищ предков. И каждый шаг в этой вторичной интерпретации он подвергает двойной проверке на двух необыкновенных камнях.

Он задает вопросы так, как если бы они были обращены к палке (часто вполголоса): «Ты говорила о “матери”. О какой? О моей или о матери моей матери?» (указывая на камень слева как на первую, а на камень справа как на вторую альтернативу). Правильное утверждение подтверждается ударом палки по соответствующему камню; неправильные утверждения и вопросы игнорируются. Вся последовательность будет повторена, детализирована, еще раз испытана и перепроверена путем переформулировки вопросов и перестановки альтернатив, так что палка должна ударить каждый раз по другому камню, чтобы вердикт получил устойчивое подтверждение.

В ходе этой проработки обратившийся за советом перечисляет жертвоприношения, устройства которых от него требуют, погружается в молитвы, которые он должен произносить, и подытоживает вердикт. После этого обратившийся за советом берет проверочные камни и настоятельным голосом обращается к предку, чьи желания только что выяснились. Он говорит: «Мать (или Отец, или кто бы еще это ни был), ты говоришь так-то и так-то. Если так оно и есть, то пусть камни покажут принятие, ибо я подчиняюсь». Он вручает камни прорицателю; тот плюет на них, протягивает в сторону гадательного мешка, призывает прорицающих предков позволить камням показать принятие и бросает их наземь. Если они «отказываются» или «смеются», то надо искать препятствие, и первоначальный вердикт отклоняется в пользу позднейшего. При этом консультация переходит точно таким же образом к следующему эпизоду. Может быть всего три-четыре таких эпизода, может быть двадцать и больше, но в конце концов прорицатель говорит «Всё», и это подтверждают камни.

Так описывают процесс талленси. Поскольку обратившийся за советом все время направляет палку — или, если он на мгновение разжимает руку по настоянию прорицателя, прорицатель вставляет советы и интерпретации, — то очевидно, что выбор ответов направляется самим обратившимся. Тем не менее талленси настаивают, что это не так. Они настаивают, что ни он, ни прорицатель не знают, каким будет итог сеанса. Они настаивают, что именно предки движут палкой и вкладывают слова в их уста, что испытание камнями непогрешимо и неподконтрольно им. В этой процедуре присутствует ряд очень интересных проблем психологического характера, но здесь я могу их лишь вскользь упомянуть. Я должен, однако, повторить еще раз, что с точки зрения талленси это насквозь объективная процедура.

В завершение, когда профессиональный диалог закончен, прорицатель и обратившийся к нему за советом в первый раз обмениваются дружескими приветствиями. Если это происходит публично, то после этого прорицатель получает причитающийся ему гонорар — часто предписанный, как в случае смерти (это может быть, например, корзиночка зерна, цыпленок или немного пива), — и его отпускают ритуальным прощанием. Таким образом, до тех пор, пока формальная задача не будет выполнена, личным отношениям сторон не позволено проявляться.

Код

Каждый из материальных объектов и стандартизированных жестов, используемых в прорицании, имеет фиксированное значение, прикрепленное к нему простым

законом ассоциации, или метафорическим расширением, которое большинство людей могут истолковать. Вот некоторые из типовых кодовых объектов:

(1) Таранная кость барана, козла или коровы. Она символизирует мужчину-предка, а если это кость коровы – то конкретно отца. Когда на нее указывают в прорицании, она обычно обозначает то, что предок-мужчина требует внимания, или же может обозначать, что на карту поставлены дела живого отца.

(2) Крышка ковш из тыквы-горлянки: женщина (например, мать или жена). Обозначает, что кто-то из прародительниц требует внимания или что на карту поставлены жизненные обстоятельства живущей женщины.

(3) Копыто барана, козла и т.д.: требуется принести в жертву животное этого вида или оно было принесено в жертву раньше.

(4) Лапка домашней курицы или цесарки: требуется принести в жертву курицу или цесарку или их приносили в жертву в прошлый раз.

(5) Рог животного: разновидность святилища предков, в которой важен знахарский рог.

(6) Пустая кожа дикорастущего фрукта: разновидность святилища предков, в которой среди аксессуаров имеется горшок.

(7) Красный лоскут: вождество – проблема, связанная с вождем, возможно, с предком, который был вождем, или обещаниями, сделанными в то время, когда искалось положение вождя. (Вожди носят красные шапки как отличительный знак их положения.)

(8) Косточка дикорастущего фрукта, который никогда не едят, кроме как во времена голода: голод; пропадет урожай, если не будет совершенно затребованное жертвоприношение или ритуальное действие.

(9) Кусок панциря водной черепахи: холодная вода, «холодность сердца» – т.е. обещано удовлетворение, душевное спокойствие, если будут совершены все требующиеся жертвоприношения и ритуальные действия.

Количество кодовых объектов, используемых прорицателем, меняется в зависимости от его вкуса и практики; обычно их бывает от 20 до 30.

А вот некоторые типовые кодовые жесты:

(1) Показывание на живот: ребенок, *in utero* или уже родившийся.

(2) Показывание на бок: родственники по боковой линии.

(3) Показывание на руку: собственность, имущество.

(4) Перерезание горла: смерть.

Следующая последовательность показывает, как используется этот код. Обратившийся к прорицателю задает вопросы, словно бы палке, формулируя их в виде альтернатив и показывая на один плоский камень как альтернативу (*a*) и на другой – как альтернативу (*b*). Палка выбирает, ударяя по тому или другому камню, или, если вопрос задан невпопад, остается повешенной в руке консультирующегося. Последовательность может выстраиваться так: «Ты указываешь на женщину – это живая женщина или умершая?» (Если умершая): «Это мать или жена?» (Если мать): «Это моя мать или чья-то?» (Если собственная): «Это моя мать, родившая меня, или далекая мать?» (Если далекая): «Это мать моей матери?» (Если ответ «нет»): «Это мать матери моей матери?» (Ответ утвердительный) «И что тогда?» Палка покачивается и указывает на баранье копыто. «Это ответ барана». (Ответ утвердительный): «Баран, которого надо принести в жертву, или уже принесенный в жертву?» (Которого надо

принести в жертву): «По какой причине?» (Палка указывает на живот): «Из-за ребенка, который будет зачат, или уже зачатого?» — и т.д.

Прорицание у талленси, как легко увидеть, является с их точки зрения объективной техникой, почти безличной в своей процедуре. Это вытекает из предпосылок культа предков, допускающих сосуществование предков и живых в одной схеме реальности, из чего вытекает, что коммуникация между теми и другими посредством ритуальной процедуры — обычное дело. Сама же техника подчинена обычным правилам логической индукции и дискурса в рамках культуры талленси. Она основывается на конвенциональном коде — своего рода словаре объектов и жестов, присущих культу предков и тем значимым делам повседневной жизни, на которые он опирается. Его вполне можно мыслить как специальный язык. В этом смысле он, как мне кажется, довольно хорошо иллюстрирует тот анализ ритуального «языка», который был предложен на этом симпозиуме д-ром Личем. Откровения соответствуют стандартному паттерну и достигаются с помощью формализованного поиска, проводимого в сотрудничестве и диалоге обратившегося за консультацией человека и прорицателя; но они не принимаются, пока не подтверждаются действием, приближающимся, можно почти без натяжки сказать, к бросанию монеты, результат которого отдается на откуп квазиобъективному влиянию случая. Этот результат призван дать человеку авторитетный и легитимный, хотя и стереотипный план ритуального действия, посредством которого он должен суметь схватить, связать и инкорпорировать в течение своей жизни угрожающие, вредные или обнадеживающие происшествия и переживания, заставившие его искать помощи у прорицателя.

Будучи техникой, прорицание талленси, подобно их языку, может быть изучено и использовано каждым, кто поставит перед собой эту задачу. При этом нет нужды принимать религиозные и ритуальные импликации. Хотя я так и не стал в ней до такой степени специалистом, чтобы провести полную консультацию, я освоил ее достаточно, чтобы суметь ее продемонстрировать. Я достаточно часто принимал роль клиента, чтобы увидеть эту игру и с этой стороны тоже, и откровения, предлагавшиеся мне, были неизменно облечены в идиомы культуры талленси. Мне советовали принести жертвы местным святилищам земли и моим предкам, суля такие восхитительные выгоды, как несколько жен и много сыновей, если я этим советам последую.

Между тем и в нашей культуре есть параллели прорицанию талленси и тем верованиям и установкам, которые в нем отражаются. В нашем обществе серьезная болезнь вызывает у большинства простых людей тревогу, ничем не отличающуюся от той, которую в схожих случаях испытывают талленси; кроме того, она несет для нас смысл угрозы со стороны того, что является для нас оккультным, а именно — таинственных сил болезни или возмездия за безрассудную жизнь. Точно так же и диагноз болезни, данный обывателю экспертом в медицине, вполне сравним с прорицанием талленси.

ЛИТЕРАТУРА

1. Bradbury R.E. The Benin Kingdom and the Edo Speaking Peoples of South West Nigeria / *International African Institute Ethnographic Survey of Africa*. Vol. XII. L.: International African Institute, 1957.
2. Evans-Pritchard E.E. *Witchcraft, Oracles and Magic among the Azande*. Oxford: Clarendon Press, 1937.
3. Fortes M. Ritual and Office in Tribal Society // Gluckman M. (ed.). *Essays on the Ritual of Social Relations*. Manchester: Manchester University Press, 1962.

4. Gluckman M. *The Judicial Process among the Barotse of Northern Rhodesia*. Manchester: Manchester University Press, 1955.
5. Goody J. *Death, Property and the Ancestors*. Stanford: Stanford University Press, 1962.
6. Needham J. Natural Law in China and Europe // *Journal of Historical Ideas*. 1951. Vol. 12. N. 1, 2. P. 3-30, 194-230.
7. *Notes and Queries on Anthropology*. 5th ed. L.: Royal Anthropological Institute, 1951.

Дополнительные ссылки

(1) *О талленси*. Этнографический фон для настоящей статьи можно найти в работе: Fortes M. *The Web of Kinship among the Tallensi*. Oxford: Oxford University Press, 1949; Fortes M. *Oedipus and Job in West African Religion*. Cambridge: Cambridge University Press, 1959.

(2) *О прорицании*. Всесторонний обзор имеющихся данных см.: Hasting J. (ed.). *Encyclopaedia of Religion and Ethics*. N.Y.: Charles Scribner's Sons, 1911. Vol. 4. P. 775-830 (статья «Откровение» в этом издании до сих пор остается полезной).

Из недавних исследований на мою позицию в особенности повлияли следующие: Park G.F. *Divination and Its Social Context* // *Journal of the Royal Anthropological Institute*. 1963. Vol. 93. N 2. P. 195-209; Turner V.W. *Ndembu Divination: Its Symbolism and Techniques* // *Rhodes-Livingstone Papers*. 1961. N 31.

Примечание

1. Предварительное описание прорицания у талленси я дал на встрече сотрудников Центра передовых исследований в поведенческих науках (Стэнфорд, Калифорния) весной 1959 г. Среди множества полезных комментариев, полученных мной на той встрече, особенно ценными были комментарии профессора Реймонда Фирта и покойного профессора А.Л. Крёбера.

Пер. с англ. В.Г. Николаева